

ЖИГАЛОВА М. (Брест)

**НАЦИОНАЛЬНОЕ И ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ
В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
БРЕСТСКО-ПОДЛЯССКОГО ПОГРАНИЧЬЯ**

Русскоязычная литература Брестско-Подляского пограничья – это литература, созданная художниками слова, живущими на пограничье (кстати, не только этническими русскими и белорусами, но и поляками, украинцами и др.), пишущими на русском языке и отражающими, как национальные нравственные ценности, так и общечеловеческие.

Важнейшей функцией такой литературы является построение коммуникативного моста между разными народами, проживающими на пограничье, ибо многие русскоязычные произведения, проникая в сознание полиэтнического читателя, способны повлиять не только на формирование мировоззрения, но и на жизненную позицию, направленную на консолидацию общества.

Поэтому русскоязычная литература связана, в первую очередь, с развитием общей культуры читателя, приносящей значимый элемент как в развитие этнической культуры, так и культуры государства в целом, что особенно значимо. Ещё известные фантасты братья Стругацкие в романе «Трудно быть Богом» вывели постулаты влияния науки и литературы на развитие личности и государства. Эти идеи сегодня воспринимаются особенно актуально: «Никакое государство не может развиваться без науки – его уничтожат соседи. Без искусств и общей культуры государство теряет способность к самокритике, принимается поощрять ошибочные тенденции, начинает ежесекундно порождать лицемеров и подонков, развивает в гражданах потребительство и самонадеянность и в конце концов опять-таки становится жертвой более благоразумных соседей» [5, с. 187].

Обратимся к творчеству русскоязычных поэтов Брестско-Подляского пограничья, которое отражает не только национальное, но и общечеловеческое. Говорить о таких качествах можно в двух аспектах. В широком, подразумевая связь этой литературной традиции с традициями мировой литературы и самой реальностью её отражения. И узком, предполагающем интерпретацию и анализ национального и общечеловеческого аспектов в отдельных её произведениях.

В опыте отражения национального и общечеловеческого в русскоязычной литературе Брестско-Подляского Пограничья очевиден ещё и исторический аспект, так как история Брестчины изначально мультикультурная уже потому, что в разные времена ею владели многие государства мира. Так, «почти 170 лет (с 980 по 1150 г.) Брестчина принадлежала Киевской Руси, 216 лет (с 1150 по 1366 г.) – Волынскому и Галицко-Волынскому княжеству, потом Королевству, 203 года (с 1366 по 1569 г.) – Великому Княжеству Литовскому, 206 лет (1569–1795 г.) – Речи Посполитой, 120 лет (1795–1915) – России, 9 месяцев (с 09.1915 по 05.1916) Австро-Венгрии, 14 месяцев (с 05. 1916 по 12.11.1918) – Германии, 1 год (1918–1919) – Украинской Народной Республике, 19 лет (1920–1939) – Польше, в общей сложности около 50 лет – СССР (из них с 1941 по 1944 – Германии).

И только с 1991 года Республика Беларусь стала самостоятельным и независимым государством» [1, с. 8–9].

За многие годы люди научились жить в мультикультурном пространстве, когда каждый народ, оставшийся здесь на постоянное жительство после определённых исторических событий, привносил в общую пограничную симбиотическую полиэтническую культуру свои традиции и нравы, одновременно заимствуя, обогащая и уважая чужие. Поэтому есть две причины, по которым литература пограничья имеет опыт отражения общечеловеческого и национального во взаимосвязи.

Во-первых, русскоязычная литература пограничья, находясь в пространстве исторически сформировавшегося поликультурного менталитета, особенности исторического развития которого были обозначены выше, по сути, реконструирует как русскую, белорусскую, так и польскую, украинскую культуры, и даже создаёт некую наднациональную идеологию пограничья, свой специфический мультикультурный код, своеобразный многонациональный миф, «апеллируя, прежде всего, к глубинным пластам национального архетипического свойства [6, с. 8]. Заметим, что в творческом багаже практически каждого поэта и писателя имеются, с одной стороны, сакрализованные исторические национальные сюжеты, а с другой стороны, широко представлены традиции разных культур и показано их взаимодействие.

Во-вторых, художники слова, представители литературного белорусско-польского пограничья, испытывали всегда явное затруднение с собственным национально-культурным самоопределением. Подобное затруднение вряд ли можно однозначно назвать недостатком, поскольку длительные и безуспешные поиски этой самоидентификации были неизбежны. Уже начиная с XVII в. в белорусской культуре оформилась определенная дихотомия: высший слой, пользуясь польским языком, развивал свою культурную традицию с акцентом на метрапольную культуру и восприятие через нее общеевропейских духовных ценностей. В результате возникал специфический симбиоз парадигмы польской культуры (как внешнего оформления) и белорусской ментальности (как внутреннего содержания). Одновременно с этим на Брестчине существовала и существует по сегодняшний день автохтонная сельская (народная) культура, которая вбирала в себя элементы многих соседних культур. Поэтому поиски национальной самоидентификации авторами белорусско-польского пограничья происходили как на базе своей этнической культуры, так и других культур, которые тоже уже были понятны и близки им.

Таким образом, исследуя феномен русскоязычной литературы Брестско-Подляского пограничья, можно отметить сосуществование и взаимодействие в его рамках нескольких языковых систем, ряда ментальностей, их традиций и множество этнических кодов, отразивших ситуацию полилога культур. А это значит, что такую литературу по праву можно назвать феноменальной, интегративной, ибо она демонстрирует читателю особенности поликультурного взаимодействия. Именно таким образом на Брестско-Подляском культурном пограничье сегодня мирно сосуществуют, обогащая друг друга, разные культуры

и этносы, развивая как русско-белорусские историко-литературные традиции в целом, так и взаимодействия разных культур в частности. А обозначенные выше характеристики – симбиотичность, проблематичность национальной самоидентификации, консервативность духовных и социальных практик – вовсе не умаляет достоинств ни русской, ни белорусской, ни украинской, ни польской культур и их значения для настоящих и будущих социальных процессов.

Национальное и общечеловеческое отчётливо проявляется в произведениях современных русскоязычных художников слова Брестско-Подляского пограничья: Л. Красевской, В. Гришковца, Н. Ковалевича, М. Ляшук и др.

Обратимся к отдельным стихотворениям В. Гришковца [3, с. 92–106], а втора таких поэтических сборников, как «Время отправления» (1981), «Круг аистинный» (1991), «Белые мосты» (2004), книги переводов «Белой вежи свет» (2010), поэта с выразительным индивидуально-авторским стилем.

Следует отметить, что в книге «Белой вежи света» нашло отражение творчество более ста белорусских поэтов Берестейщины. В интервью Юрию Сапожкову о книге «Белой вежи свет» В. Гришковец отмечает особенности настоящего творчества и творца: «...мне думается, что самая лучшая школа для пишущего профессионально – жизнь. Именно она учит главному в литературе – правде и новизне. Даже самая будничная жизнь, если взглядеться, лишена штампа, скуки, банальности», поэтому «нужно учиться у жизни. Читать классиков. Не только для наслаждения, но и для учёбы. Обдумывать чувства, а не стенографировать их. Не бояться собственной искренности. Быть взыскательнее к себе. Не бояться неудач. Не переоценивать успех. Короче говоря, не шибко жаждать утверждения», но работать, работать...» [2, с. 3].

И действительно, его стихам присущи такие черты, как открытость, исповедальность, импульсивность и правдивость. Особенно ярко авторское мировидение национального и общечеловеческого проявляется в тематике и проблематике его творчества.

Так, в сборнике «Белые мосты», в таких стихотворениях, как «Не помню, что было. Не знаю, что будет...», «Приходил, а дверь не открывали...», «Прощанье белоруса с Кремлём», «Ветер», «По жизни шел я, словно через реку...» и др., В. Гришковец говорит о многоликом независимом характере и противоречивом мировоззрении жителей пограничья, соединившего судьбы и темпераменты многих этносов и народов. В стихотворении «Славянская заздравная» поэт прослеживает тернистый путь не только родного Полесья, но и тот, который прошли все славяне, живущие ныне в Украине, России, Беларуси. Путь, который был и останется для каждого общим, единым, объединённым вопреки всему «родной землёй» и тем «горьким хлебом», который доводилось вкушать славянам на протяжении многих столетий.

Рассуждает поэт и о поликультурных браках, задумывается о своих корнях, родителях, роде... В стихотворениях «Что же было в отце моём русского?», «Что русского было в батьке моём?» поэт пытается отыскать в себе те черты характера, которые унаследовал от матери-белоруски и русского отца и которые всегда составляли основу характера славянина. Это необыкновенное трудолюбие,

физическая и духовная красота славян, их природный ум и бесхитрость, абсолютное доверие людям и честность, искренность, открытость и справедливость, их бескорытность, выносливость и терпение, умение веселиться и способность взбунтоваться.

Лирический герой В. Гришковца – личность драматическая. Он устал от поиска счастья и смысла жизни, от поисков себя в этом безбрежном мире и потому живёт в постоянном беспокойстве и сумятице, живёт как бы на распустье, в вечных поисках чего-то недостижимого и им самим даже неопределённого и непонятого... Его герой то романтик-оптимист, то безнадежный пессимист, испытывающий шемящую ностальгию. То гордый и независимый, то безвольно плывущий по волнам жизни. То он искренний и чистый, то опустившийся на дно жизни. То святой, исповедующий одну только правду, то кающийся грешник, думающий о пережитом и желающий его изменить. Лирический герой мечется в поисках ответа на вечные вопросы бытия, понимая, что общечеловеческие качества, такие, как искренность отношений, верность в дружбе и любви, умение поддержать человека в трудную минуту, будут всегда востребованы обществом, а потому, не находя себе успокоения, боится быть непонятым людьми.

Его утешает лишь родительский дом, где всегда ему открыты двери. Поэтому так часто звучит в сборнике «Белые мосты» мотив сыновней любви, мысль о прощении, о теплоте человеческих отношений. Мать для него не только самый родной человек, с кем можно разделить свои радости и огорчения, она – его опора, надежда, спасение, придающая силы в минуты душевной тревоги. Отцу обязан он всей жизнью, потому что благодаря ему и стал честным человеком.

В творчестве уже зрелого поэта лирический герой научился ценить жизнь, понимать её значимость. Он умеет держать слово. В стихотворениях «Молитва вероотступника», «Понять, принять и полюбить...» лирический герой просит у Бога «дольше продлить» его жизнь, хоть и не совсем праведную, обещая измениться. Главным мотивом поэзии является горькая, исповедальная самооценка. Валерию Гришковцу важно «понять, принять и полюбить, // В себе самом открыть другого». Неслучайно для лирического героя становится более необходимой и важной саморефлексия, желание запечатлеть свои переживания, а не кого-то другого. Поэт уверен, что достичь этого, можно только живя в ладу с верой, с благими помыслами. Примечательно, что поэт, как истинный христианин, видит смысл жизни в следовании христианским заповедям.

Его стихи о скоротечности жизни очень серьезны и правдивы. А пессимистически настроенный лирический герой о несправедно прожитой жизни, сменяются мыслями об истинной ценности самой жизни, говоря словами И. Бунина, «жизнь – прекрасна, даже если она ужасна». И потому, наверное, лирический герой В. Гришковца понимает, что жизненный пессимизм у всякого живущего на Земле происходит от того, что цель никогда не достигается, потому что за ней, как за горизонтом, – уже новый, другой горизонт. Лирический герой понимает, что именно к неясно различимым целям так страстно устремляются люди и народы. И чем взрослее человек, тем яснее он понимает, что главное не цель, а тот путь, который к ней должен пройти человек. Но на этом пути часто теряется

столько, что и цель не стоит того, чтобы так безудержно гнаться за ней. Но самым значимым здесь является то, что человекк концу пути приходит совсем иным и понимает, что ему уже не нужно то, за чем он так стремительно гнался, а нужно лишь успеть научиться главному – жить по совести и правде, вовремя передать эти качества молодому поколению. В этом автор видит смысл и значимость существования человека. Духовный мир лирического героя богатый и противоречивый, но в нем доминирует безграничная щедрость, высокая требовательность к себе и другим, непримиримость ко лжи и несправедливости.

В творчестве поэта национальное и общечеловеческое проявилось и в нравственно-философской лирике. Лирический герой обеспокоен моральной деградацией общества, принятием безнравственности как нормы поведения и, что ещё страшнее, как образца для подражания. В. Гришковец говорит о философии жизни, её вечности и неизменности, а иногда и парадоксальности. Лирический герой стихотворения «Я не верю, что белое – чёрное...» не хочет верить, что «белое – чёрное», что «наглое – значит, смелое», но действительность жестока и диктует другое, убеждая в том, что очень часто в жизни «печален дел добрых удел». Вместе с тем художник слова утверждает, что все люди – «подобие Творца», хотя и грешники, потому что в грехе зачаты, с грехом идут по жизни и грех передают по наследству. Он предостерегает читателя от того, чтобы греховность не стала нормой поведения человека. Может быть, потому лирический герой разочарован и не верит в то, что человека можно изменить. Поэтому первая и последняя строфы звучат в унисон, образуя кольцо. Заметим, что здесь автор использует своеобразную игру понятий. Говоря о неспособности современного технологизированного мира к позитивным духовно-ценностным переменам, автор с горечью замечает, что в современной жизни произошла подмена парадигм, жизненно важных ориентиров, когда наглость воспринимается как проявление смелости, а добрые дела вызывают негодование у толпы, зависть и потому желание очернить само дело и его автора. Иногда же в угоду мнению толпы добрые дела остаются просто специально незамеченными и игнорируемыми, не нужными, специально фальсифицируемыми. Мир, в котором «дурак, становясь в позу умного», имеет право «вешать истину», «резать ребром», где стакан поднимают одновременно и за здоровье, и за упокой, абсурден и недолговечен, ибо сам уничтожит себя своей безнравственностью.

Невольно читатель задаётся вопросом: «Что же это за мир, в котором здоровье – смерть, а жизнь – инобытие?» [4, с. 123]. Такой мир ужасен. Поэтому В. Гришковец пытается разбудить сознание читателя, воззвать его к самоанализу, к здоровой мысли и делу, способному улучшить нравственную сущность человека. Лирический герой уверен в том, что подмена жизненных ориентиров, как страшный порок человечества, стала нормой нашего времени, подтверждающая парадоксальность жизни и зовущая к поиску путей оздоровления человеческой души. Это и есть тема стихотворения, которое полностью построено на контрастах, когда всё воспринимается с точностью до «наоборот».

Ключевые и доминантные слова лишь подчёркивают это: «белое – чёрное», «дурак – поумнел», «печален – дел добрых удел», «наглое – смелое».

Вероятно, художник слова рисует картину абсурда, т.е. то, чего не должно быть. Но картина мира, нарисованная в стихотворении, к сожалению, наша жизнь. И всё же, нет ничего более странного и непонятного как для отдельного человека, так и человечества в целом, более алогичного и в то же время феноменального, чем наш мир, в котором человек может выжить лишь оставаясь добрым, отзывчивым и чутким, ибо даже в этом мире абсурда и парадокса общество обязано думать о вечном, о Человеке и будущем Мироздания.

Внутренняя антитеза, раскрывающая противоречия современности, проявляется и в композиции стихотворения. В первой строфе читаем: «знаю твёрдо, что вздорное – вздорное», а в последней строфе: «как прискорбно, что наглое – смелое». Заметим, что художнику слова больно от осознания этой простой истины, которая ведёт общество к деградации, а мир к уничтожению. Для лирического героя В. Гришковца понимание алогичности жизни намного страшнее, чем жизнь в неведении. Может быть, поэтому лирический герой потрясён, растерян, и оттого он «кустальный и злой». Его пугает то, что люди стали злыми, завистливыми, перестали быть искренними, что многие фальшивят в угоду кому-то или чему-то, часто играя роль, выгодную себе, а не делу именно сегодня, так как хотят сделать карьеру или добиться других высот, чаще всего материальных. И совсем не думают о деле, о том, как сделать мир лучше. Невольно вспоминаются слова М. Лермонтова: «Жалкий человек... / Под небом места много всем. / Но беспрестанно и напрасно / Один враждует он. / Зачем?»

И потому лирического героя страшит то, что «подлец в роли преданно-мудрого / Встал с открытым – он слушает – ртом». Ужасно не то, что подлецы и негодяи заслушиваются речами дурака, а то, что дураки уверены, что они – короли жизни. Поэтому и страшит лирического героя то обстоятельство, что жизнь дошла до таких пределов, что даже дураки понимают выгоду, таящуюся в умении прикидываться умными. А это уже абсурд, алогизм, парадокс. Оттого лирический герой «злой и усталый». Правда, он верит, что мир негодяев, творящих всё в угоду своему Эго, всё-таки должен измениться и стать способным к созидательному добру во имя сохранения вечных и непреходящих общечеловеческих ценностей.

Специфика тематики, проблематики предопределила и особенности лексики, морфологического и синтаксического строя стихотворения. Доминируют имена существительные с отрицательной коннотативной окраской («подлец», «дерзкое», «прискорбно»). Заметим, что эта окраска присутствует в их первичном значении, а значит, поэт не ищет новых значений у старых слов, он употребляет слова низкого стиля намеренно, демонстрируя тем самым открыто своё отношение к лирическому герою. В синтаксисе стихотворения нет императивно-восклицательных предложений и фраз (за исключением, «он слушает!»), но от этого призывность произведения не становится ниже. Знание того, что художник слова не верит громким словам, а понимает истину жизни, и говорит о ней убедительно, с экспрессией, действует на читателя лучше всякого призыва. Кажущаяся на первый взгляд простота изложения материала на самом деле парадоксальна, как и идея стихотворения: оказывается, никуда не скрыться порядочному

человеку от абсурдности мира. Лирическому герою остаётся только научиться жить в этом мире, приспособиться, изменив своё отношение к нему, а может быть, чтобы выжить, и пойти на сделку с совестью. Но лирический герой не верит в такое «перерождение» человека. Он лишь убеждён в том, что философия жизни, где основа «наглое – смелое», нужно обязательно менять, ибо необратимые процессы неизбежны. Автор, кажется, призывает читателя осмыслить и понять простую формулу жизни «Человек! – Это звучит гордо!».

Общечеловеческое и национальное проявилось и в жанровом своеобразии лирики Валерия Гришковца. Лирические стихотворения, ода («Благодарность», «Вот пришли»), городской романс, посвященный Алесю Кожедуб, и др. свидетельствуют о мультикультурности и креативности его мышления, значимости его поэтического дарования. Стихи поэта настолько мелодичны, что напоминают песню («Свадьбы забубенные»). Неудивительно, что В. Гришковец в соавторстве с композитором Олесем Венгером являются создателями гимна родного города Пинска.

Национальное и общечеловеческое проявилось и в прозаическом цикле художественной мемуаристики «Бюро находок (непридуманные рассказы)», в рассказах о белорусских страницах жизни русских художников слова: поэта А. Блока, творчестве И. Бунина и др. В рассказе «Нести свой крест» автор признается: «Самому себе не хочется признаться: люблю всё русское»: «с ранней юности, даже с детства, я заслушивался народными песнями. И любил, без преувеличения, все: русские, украинские, белорусские. Но «Коробейники» всегда стояли превыше...». Но это не мешает В. Гришковцу любить и своё Полесье. Полесским городам Пинску, Бресту и окрестностям, рекам Припяти и Пине – любимым местам своего детства – он посвятил немало стихотворений, очерков и эссе, потому что без родины он не представляет себе жизни: Горше родимой – полыни не сыщешь. / Слаше беды, чем любовь, не узнать. / Родина – сад мой, моё пепелище. / Здесь расцветал я. / И здесь мне сгорать.

Как видим, творчество В. Гришковца отличается глубокой философией жизни, чувством единения славян, увлечением русской историей и культурой, пониманием её значимости для живущего на Белорусско-Польском пограничье, гармонией того национального и общечеловеческого, без которого нет настоящего понимания жизни, потому что «все души говорят на одном языке».

ЛИТЕРАТУРА

1. Гніламэдаў, Уладзімір. «Заставацца сабой...» / Уладзімір Гніламэдаў ; уклад. Мікола Мікуліч. – Мінск : Четырэ четверці, 2012. – 574 с.
2. Гришковец, В. Ф. Белые мосты : стихи, рассказы, эссе, статьи, заметки / В. Ф. Гришковец. – Пинск : Ред. газ. “Пінскі веснік”, 2004.
3. Жигалова, М. П. Этновитальность и мультикультурность в литературе: Интерпретация и анализ : монография / М. П. Жигалова ; LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH&CO.KG. – Саарбрюккен (Германия), 2012. – 305 с.
4. Русская литература в системе межкультурных коммуникаций XXI века: современное состояние и перспективы развития : кол. монография. – Ташкент : GEO FAN POLIGRAF, 2013. – С. 108–135.